

вители национального труда», - вы видите молодых девушек, ставших лысыми в семнадцать лет оттого, что они на голове носят из одной залы в другую подносы со спичками, между тем как самая простая машина могла бы подвозить эти спички к их столам. Но... «труд женщин, не имеющих определенного ремесла, так дешев! К чему тут машина! Когда эти женщины не смогут больше работать, их так легко будет заменить, их столько толчется на улице!»

На крыльце богатого дома в Брайтоне, в Ньюкастле вы увидите в холодную зимнюю ночь ребенка, уснувшего с пакетом газет в руках. Снег и слякоть бьют на его рубище... В Ньюкастле он ходит босоногий. - Но...«детский труд так дешев! Ведь если он продаст две дюжины номеров, он принесет мне шиллинг (полтинник) и сам зарабатывает восемь копеек, - говорят вам. - У них в семье и восемь копеек деньги». - Восемь копеек, вместо того чтобы обучить его полезному ремеслу!..

Или вот здоровый и крепкий человек ходит без дела - никому он не нужен, - а его дочь чахнет и гибнет в аппретурной, где держат температуру русской бани, чтобы покрывать бумажную реднину густой смазкой и продавать ее потом за плотную материю, а сын накладывает ваксу в жестянки, тогда как самая пустяшная машина сделала бы это в десять раз лучше и в сто раз быстрее...

И так оно идет повсюду, от Сан-Франциско до Москвы и от Неаполя до Стокгольма. Бесполезная, ненужная, глупая трата человеческих сил составляет преобладающую, отличительную черту нашей промышленности, не говоря уже о торговле, где она достигает еще более колоссальных размеров.

Какая горькая насмешка звучит в самом названии политической экономии! Ведь это - наука о бесполезной трате сил при системе наемного труда!

И это еще не все. Поговорите с директором какой-нибудь благоустроенной фабрики. Он непременно начнет плакаться перед вами, самым наивным образом, о том, как трудно найти в настоящее время умелого и энергичного рабочего, который отдавался бы своей работе с увлечением.

«Если бы среди тех двадцати или тридцати человек, которые приходят к нам каждый понедельник просить работы, нашелся бы хоть один такой, - скажет он вам, - то он был бы наверное принят, даже если бы вообще мы в это время уменьшали число своих рабочих. Такого рабочего всегда можно узнать с первого взгляда, и его везде примут; впоследствии всегда можно будет отделаться от лишнего рабочего - какого-нибудь старика или человека менее умелого». И вот человек, лишившийся таким образом работы, - как и все другие, которые завтра окажутся в таком же положении, - ступает в огромную запасную армию капитала: в ряды «рабочих без работы», которых призывают к машинам и станкам только в моменты спешных заказов или в случае, если нужно сломить сопротивление стачечников. Или же он попадает в ту громадную армию пожилых или посредственных рабочих, которая околачивается около второстепенных, плохоньких фабрик и заводов, - тех, которые едва-едва покрывают свои расходы и держатся только всевозможными урезываниями рабочей платы и обманом покупателей, особенно в далеких странах.

Если затем вы поговорите с рабочим, то вы узнаете, что в английских мастерских и фабриках принято рабочими за правило - никогда не производить всей той работы, на которую они способны. Горе тому рабочему, который не послушается этого совета своих товарищей, получаемого при поступлении! В самом деле, рабочие отлично знают, что если они в момент великодушия уступят настояниям хозяина и согласятся работать более энергично, ради исполнения каких-нибудь спешных заказов, то эта